

Цвет словной Кошки

Ольга Миклашевская

Линия души

Ольга Миклашевская
Цвет слоновой кошки

«РОСМЭН»

2018

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Миклашевская О. В.

Цвет слоновой кошки / О. В. Миклашевская — «Росмэн»,
2018 — (Линия души)

ISBN 978-5-353-08836-3

Первая любовь, социальные сети, отношения с родителями и одноклассниками, большие и маленькие секреты – в серии «Линия души», в которую вошли произведения лучших современных российских писателей для молодежи. Старшеклассницу Аню Турбину друзья недаром зовут Турбо. Энергии у нее и правда хватает на все: и учителям напакостить, и с мачехой поругаться. Близится конец учебного года, и у Ани появляется новая цель – подружиться со скромнягой Костей из параллельного класса. Только вот зачем он ей на самом деле, знает разве что красный блокнот, который до поры до времени будет хранить страшную тайну.

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08836-3

© Миклашевская О. В., 2018

© Росмэн, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Миклашевская
Цвет слоновой кошки
Повесть

© Ольга Миклашевская, текст, 2018

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2018

Все имена вымышлены. Все совпадения не случайны.

Глава 1

Ане нравилось говорить всем, что ее мама умерла, когда ей было семь. Что мама собрала вещи в большой старый чемодан без одного колесика, накрасила губы, забрала из ванной общий фен и умерла.

– Ну и чем прикажешь сушить голову?

Девушка с укоризной посмотрела на отца, сидящего на краешке ее кровати и смотрящего в пустоту. Даже через десять лет новый фен у них в доме так и не появился, и это словно было немым напоминанием о том, как плохо поступила мать.

Не дожидаясь ответа, Аня вышла из комнаты. Вернулась она уже с пушистым махровым полотенцем в руках.

– Я не все делаю в последний момент, – сказала девушка, оправдываясь.

Но тому, к кому она обращалась, казалось, и вовсе было все равно.

Пока она мусолила волосы полотенцем, телефон на тумбочке оживился и закрутился, завертелся на месте, как бешеный, под ритм аргентинского танго. Увидев имя входящего контакта, Аня вздрогнула и почти рефлекторно провела по кнопке отбоя.

Дядя Боря. Опять.

Отец по-прежнему сидел не шевелясь и невидящим взглядом буравил противоположную стенку. Ему было определено все равно, кто звонил: хоть дядя Боря, хоть тетя Лиза, хоть баба Галя. Кожа у отца была бледная, почти прозрачная, очки на носу сидели криво, густая черная борода мягким облаком спускалась на грудь.

Аня кое-как привела голову в порядок, клюнула отца в щеку и выбежала в коридор обуваться. Но, прежде чем надеть пальто, девушка трижды повернула маленький ключ, больше похожий на игрушечный, в замке своей комнаты. Только удостоверившись, что дверь заперта, обернулась.

И там конечно же стояла *она*.

Ее легко было представить, вообразив себе типичную злую мачеху. Плюшевый громоздкий халат, явно великоватый, волосы, собранные в неуклюжий пучок, и глаза, мечущие молнии. Карикатура не то что на материнство – да что там! – на все человечество в целом.

– Аня, ты бы поела, – сказала чудовище.

Прошли те счастливые времена, полные надежд, когда Аня пыталась наладить контакт с этим инопланетным созданием. Все попытки обычно плохо заканчивались, поэтому она просто промолчала.

Как-то ей пришлось полтора часа выслушивать рассказы о яркой молодости, богатых меценатах, о том, как монстр был звездой любой вечеринки, в которую запускал свою мохнатую лапу.

– Желудок испортишь, – продолжало настаивать чудовище.

Если внимательно прислушаться, то в его сильном хриплом голосе можно было уловить нотки отчаяния.

Аня не ответила. Повесила рюкзак на одно плечо и пулей вылетела из квартиры, даже не потрудившись закрыть дверь.

На лестничной площадке она постояла несколько минут, внимательно вслушиваясь в тишину, как будто ждала чего-то или кого-то. Но вскоре поняла, что этот кто-то или что-то не появится, поэтому вызвала лифт и с чистой совестью поехала вниз.

В школу она конечно же опоздала.

Завучка сидела на учительском столе в кабинете географии. Закинула ногу на ногу и изящно сложила руки на груди, как будто она – оперная певица. Аня хотела незаметно пробраться на свое место, но не тут-то было.

– Турбина, только тебя и ждали, – заявила Людмила Семенна, не поворачивая головы. Класс тупо захихикал.

«Ты им палец покажи – они все равно будут ржать как лошади. Дегенераты», – устало подумала Аня и с кислой миной плюхнулась на стул.

Недооперная дива продолжала:

– Так, и на чем я остановилась, пока меня не прервали совершенно наглым образом? Ах да, как я уже сказала, Раиса Анатольевна заболела...

Все знали, что Раиска-редиска, как ее называли ученики, уже лежит в больнице и корчится в муках, рожая четвертого ребенка. Такого же рыжего, веснушчатого и лопуухого, как и три предыдущих.

– ... И ну не мне же ее подменять, в самом-то деле! На мне тут вся школа держится, а вы уже взрослые, ответственные, выпускники в конце концов. – Завучка с невозмутимым видом выковырнула грязь из-под ногтей и щелбаном отправила ее в другой конец класса. Кажется, бомбу получил Корольков. Будет знать, подлиза, как садиться на первую парту. – Короче. Сегодня отправляетесь на литературу к «вэшкам». В триста пятый. Ну, мне пора. Я вас нянчить не нанималась.

И с этими словами она сползла с парты, как тюлень в холодные воды океана, и погребла в сторону выхода.

Едва за ней закрылась дверь, кто-то с задних рядов предложил сделать вид, что никто ничего не слышал, и дружно прогулять. Но оставалась опасность в виде ботанов Королькова и Бачининой, тех самых, которые в конце урока хором шепчут: «Ой, Мария Анатольевна, вы забыли дать домашку!» Аня считала, что эти двое по окончании школы просто обязаны пожениться и изолироваться где-нибудь за толстыми стенами Сколково, чтобы никто другой не пострадал от их занудного характера.

Соседка по парте Ирочка повернулась к Ане:

– Турбо, а ты что молчишь?

Кличка Турбо приклеилась к Ане еще давно, классе в пятом. То ли из-за фамилии, то ли из-за взрывного характера, то ли потому, что стометровку быстрее всех пробегала, даже быстрее мальчишек.

– Ничего, башка болит просто, – огрызнулась Аня и даже не совсем соврала: мысли о мачехе и о том, что ее ждет дома, действительно вызывали головную боль.

Аня бросила в сумку красный «Молескин», который Ира и Тамара купили в складчину и подарили ей на пятнадцатый день рождения. Блокнот был так качественно сделан, что с ним ни на секунду не хотелось расставаться. Да и оставлять его дома небезопасно: замок на двери вряд ли мог стать помехой для чудовища.

– Понятно, – протянула Ирочка, – а то обычно трещишь – хоть уши затыкай!

У Ани вдруг резко зачесались руки, но терпение она считала одним из своих главных достоинств.

– Ну а как у тебя с Русланом?

Перевести разговор на другую тему в данной ситуации было лучшим решением.

Ирочка неопределенно пожала плечами и одним движением смахнула с парты в сумку близнец той, что была у Ани, все свое несметное богатство, начиная от флакончика дешевых духов и заканчивая потрескавшейся пластиковой линейкой со «Спанч-Бобом».

– Нормально, – буркнула Ирочка, хотя невооруженным глазом было заметно, что ничего у нее не нормально.

Согласно Ирочкиным рассказам Руслан был парнем девятнадцати лет, который собирался наследовать отцовское архитектурное бюро и учился на инженера. «На бюджете!» – любила повторять Ирочка, воздев указательный палец вверх, будто подчеркивала важность информации. Хотя в семнадцать лет, похоже, это единственное, что по-настоящему важно.

Большого от соседки Ане узнать не удалось. И вообще Ирочка ее как-то сторонилась после вопроса о Руслане, поэтому неудивительно, что в кабинете литературы она пулей рванула к парте, за которой устроилась Маруся.

Ирочка мечтала стать актрисой, играть в русских сериалах и своей отпадной игрой превратить их в мировую бомбу типа «Шерлока» или «Двух девчонок на мели». Даже в жизни Ирочка порой вела себя так же драматично, как главная героиня студенческой короткометражки про бренность бытия, поэтому удивляться странностям подруги Аня давно перестала.

– Отлично. – Аня скрипнула зубами и мысленно обратилась к самой себе: «Ну и кто будет жертвой?»

Но, так как в класс набилось не меньше сорока человек, то выбора особенно не было. Да ей и выбирать было не нужно.

– Хэллоу, Белый, – отсалютовала Аня сидевшему в одиночку парню за последней партой. – А я-то думала, ботаны вперед обычно садятся.

Костя нехотя оторвал взгляд от тетрадки, где что-то тщательно вырисовывал, прикрыл творение учебником и только затем кисло улыбнулся. Раньше они особенно не пересекались: общих друзей нет, интересов тоже. О существовании друг друга, конечно, знали, и этого вполне достаточно, если вы учитесь в параллельных классах.

– Ты что, язык проглотил? – прошептала Аня, потому что незнакомая учительница уже повсюду глаголила о роли маленького человека в большой литературе.

Парень опять промолчал, делая вид, что не расслышал.

«Не больно-то и хотелось», – подумала Аня. Она сложила руки на парте и сверху положила голову. Так она незаметно могла наблюдать за соседом, который снова взялся за карандаш и, казалось, совершенно позабыл о вторжении малознакомой девчонки.

Аня полуприкрыла глаза, как кошка, и задумчиво принялась разглядывать Костю. Темные короткие волосы, чуть длинноватые руки с красивыми, тоже длинными, пальцами, за которые любой пианист отдал бы обе ноги.

Ловить себя на подобных мыслях Аня стала совсем недавно, после того, как Костя подстригся. Если сравнивать, то до этого он словно был покрытой золой Золушкой в грязном переднике, а после стрижки его даже родные сестры на балу не узнали бы. Хотя вообще-то Белый не сильно смахивал на принцессу.

Он ведь был не очень-то красив. Высокий да, этого у него не отнять. Но девчонки за ним толпами не бегали. Костя как будто был создан для одной Ани: красота и грация, понятные только ей.

– Что рисуешь?

Костя не ответил.

– Покажешь? – Аня протянула руку, чтобы подвинуть к себе тетрадь, но парень резко отвернулся к окну и убрал недоделанную работу в портфель. – Ну и пожалуйста!

Последние слова девушка прошипела несколько громче, чем собиралась, но в классе стоял такой гвалт, что, закричи она даже во всю глотку, и то никто бы сразу не понял, что происходит.

Все это напоминало какой-то дурной сон. Раньше ведь не так было! С Лешей Липкиным не так. И с Ренатом. И со многими другими. Аня с шумом выдохнула сквозь сжатые зубы.

Прошло несколько бесполезных и бесконечных уроков (их длина почему-то была прямо пропорциональна бесполезности), а девушка все еще злилась на себя за то, что так резко пошла на абордаж. Теперь он точно с ней никогда не заговорит.

До этого она воспринимала Костю как исключительно легкую добычу, особенно после того, как он расстался с Алиной. А ведь казались идеальной парой: он – высокий, она – маленькая, хрупкая. Он – вечно в одних и тех же джинсах, она – каждый день меняла дизайнерские платья («Явно мамин», – добавляла про себя Аня).

После уроков Аня отправилась в столовую, где все было проще, чем в жизни. Хочешь – поглощаешь вредные батончики в буфете и запиваешь молочным коктейлем, хочешь – ешь менее вкусную (и, возможно, не менее вредную), почти домашнюю еду. «Почти домашним» в этой еде было все: от комков в каше до желтой пленки на супе. Денег у Ани было немного, но они все-таки были. В хорошем настроении чудовище иногда отстегивало кое-какую мелочь, хотя и делало это с таким видом, будто Аня и копейки из этой суммы не достойна.

– Братъ что будем?

Внезапно перед школьниками Берлинской стеной выросла безымянная буфетчица. И что за удовольствие продавать химические шоколадки ораве горлопанов, сующих тебе потными руками родительские деньги? Даже школьная уборщица и та в каком-то плане стоит на ступеньку выше на негласной социальной лестнице. Ори себе сколько влезет, только убирать при этом не забывай.

Быть же буфетчицей – мрак. Разгадываешь сканворды в полнейшем одиночестве, никого не трогаешь, потом – дзынь! звонок! – и на тебя ни с того ни с сего мчится стадо молодых бизонов.

– Булочку с маком, – выдала Аня после секундной заминки. За эти мгновения народ в очереди успел порядком испереживаться.

– С маком нет, – парировала безымянная буфетчица.

– Тогда с изюмом. – Изюм Аня ненавидела.

– И с изюмом нет.

– С мясом?

– Нет.

– С капустой?

– Нет.

– А с чем тогда есть?

Девушке уже хотелось только одного – поскорее отделаться от этой раздражающей женщины, купить хоть что-нибудь, лишь бы она не смотрела таким обвиняющим взглядом.

– Сейчас посмотрю.

Буфетчица провела кончиком длинного ногтя, покрытого ярко-розовым лаком, по подбородку и в задумчивости понюхала поднос с неопознанными булочками. Закатила глаза и понюхала еще раз, совсем как профессиональный парфюмер. Аня не удивилась бы, если для завершения экспертизы буфетчица еще бы лизнула исследуемый объект.

– С яблоками! – выдала победно.

– Но это не точно! – загоготал какой-то молокосос у Ани за спиной, и другие подхватили его смех – бесстыдный, но беззлобный.

Шел май, и погода стояла преотличная. Аня вышла на школьное крыльцо с прозрачным пакетом пирожков, который оттягивал ей руку, как стокилограммовая гирия. Хотелось спрятать ношу в портфель и съесть дома, под непрочной защитой своей комнаты. Правильные девушки не едят жирных маргариновых пирожков, они в лучшем случае элегантно обнимаются с салатиком.

Многие ученики грелись на скамейках под лучами весеннего солнца. Среди них Аня заметила Ирочку и последнее звено их девичьего трио – Тамару. Она отчаянно сопротивлялась, когда ее звали Томой или Томкой, поэтому, как дань уважения к упорству подруги, Аня даже про себя называла ее полным именем.

Девушки были так увлечены, что не хотелось им мешать. Что они там обсуждают? Мальчиков? Сколько можно их обсуждать? Платья на выпускной? (Все еще?) Контрольную по математике? (Вообще без комментариев.)

Тут она снова заметила Костю. На этот раз он был не один: вокруг по-прежнему крутилась кокетка Алина. Но после сегодняшнего фиаско на уроке литературы терять Ане было точно нечего, поэтому она смело направилась в сторону парня и его бывшей подружки.

Наверное, у каждой уважающей себя девочки в школе есть такой парень, на которого она искоса посматривает на переменах в надежде урвать ответный взгляд. Парень, который учится в параллельном или классом старше. Он может и не знать о твоём существовании, но это ничего не меняет. А потом эти девочки заканчивают школу и где-нибудь уже на первом курсе института думают: «Ну и что это было за недоразумение в мешковатых джинсах?»

Но здесь и сейчас еще все по-другому. Если лето – это «маленькая жизнь», то школа – это маленькая Вселенная. Пока ты учишься в ней, кажется, что твой мир ограничен этими бетонными стенами, одноклассниками и домашними заданиями. Даже домой приходишь так, погостить. Залетаешь на пару часов, обедаешь, смотришь пару серий «Игры престолов», а потом закрываешь глаза, чтобы через секунду открыть их и снова отправиться обратно в школу.

Собственный класс автоматически становится государством. Не коммунистическим, в лучшем случае – зависимой колонией. Одноклассники ранжируются по крутости, привлекательности и успеваемости. Как будто нет больше никого в мире, кроме этих пяти прыщавых недоростков, среди которых непременно надо кого-то выбрать, иначе умрешь без первого поцелуя.

Однажды начав что-то делать, Аня не привыкла сдаваться. Ей мало было просто смотреть и вздыхать. Она должна была убедиться, что попробовала все, прежде чем наконец сдаться и, как побежденный самурай, отступить в тень. Хотя настоящий самурай поступил бы, конечно, по-другому.

– Привет. – Аня неловко махнула рукой. – Хотите пирожков?

– О, давай! – обрадовалась Алина и тут же запустила длинные пальцы в пакет. – А мы знакомы? – добавила она, надкусывая пирожок.

С виду эта кровожадная охотница за пирожками была не так уж плоха. Даже было чему позавидовать: точеная фигурка, чистая кожа, длинные волосы цвета морского песка. Никто никогда не видел, чтобы она мучила хомячков или ябедничала учителям, так что чисто формально перед законом и общественностью она была чиста.

Однако Аня ее ненавидела.

Внутри ее буквально трясло от животной ненависти, практически физического отвращения. Первой девушкой для Кости была Алина, не Аня. На нее он раньше смотрел с нежностью, ей на Восьмое марта напоказ, как и все, приносил одну красную розу.

Аня розу не приняла бы, даже от Кости. Как-то в продуктовом магазине, стоя в очереди, она услышала разговор двух женщин неопределенного возраста с поплывшими щеками и в туфлях «прощай молодость»:

«Галь, ты запомни, сколько цветов тебе мужик подарил – на столько он тебя и ценит. Одну дарят только те, кто прикидывается, вкладываться в бабу или нет. А то вдруг потратишь на нее семьсот рублей, а оно там даже на двести не тянет».

Звучало это пошло, но какая-то частица правды в словах незнакомой женщины все-таки была. Лучше не дарить ничего, чем одну. Смотришь, как по улице идет парочка – явно первое свидание, – и в руках у девушки бледный стебелек с жухлыми листочками. Так и хочется подойти к несчастной, сказать: «Давай я подержу, чтобы тебе было не так стыдно».

Все время, пока Аня вспоминала о своих магазинных приключениях, Костя, чуть сгорбившись, сидел на скамейке и, не говоря ни слова, смотрел куда-то в пустоту прямо перед собой, как затравленный зверек. В глазах у него так и читался невысказанный вопрос, когда же все оставят его в покое. Просто возьмут и самоликвидируются.

Искоса Аня нет-нет да и поглядывала на объект своего исследования.

Порой забавно, как отчаянно нам нужно то, что мы не можем получить. Если бы уроки физики были под строгим запретом, возможно, в мире появилось бы больше юных подпольных Эйнштейнов. Так было и у Ани с Костей: чисто спортивный интерес, ничего личного. Ничего лишнего.

Вдруг Костя едва заметно повернулся и устало посмотрел в сторону Ани. Той показалось, что у него глаза двухсотлетнего старика. Ясно, что парню уже не до настойчивой девушки из параллельного класса. Но что было в этой ситуации приятным – Алина тоже явно не входила в список желанных гостей.

Если до прихода Ани Костя с Алиной о чем-то и разговаривали, то теперь молчание тянулось, как ириска. Это была не та тишина, когда сидишь и думаешь о своем, а тишина, в которой словно кто-то в мегафон орет: «НЕЛОВКО, ПРАВДА?»

Внезапно у Алины зазвонил телефон. Последняя модель смартфона в аккуратном чехольчике; вместо новомодных рингтонов – стандартная мелодия. Чем эта девчонка раздражала, так это своей идеальностью. Она была правильная буквально во всем, выглаженная, с гладкими белыми коленками, холеными руками и отвратительно пухлыми губами, которые так нравятся противоположному полу. И почему они с Костей вообще расстались?

– Я на секунду, – приторно улыбнулась девушка и отошла, прикрыв высветившийся номер ладонью, как будто случайно. Только вот Аня разглядела – «бабулечка». Не «бабушка», не «бабуля», – приторное до скрипа на зубах «бабулечка», будто все остальные имена были раскуплены и осталась только эта великорозмерная версия.

Когда Аня и Костя остались одни, парень вдруг засобирился: схватил портфель, страхнул с колен крошки, оставленные бывшей. Это был последний шанс.

Аня встала перед Костей, загородив ему солнце, будто была не подростком ростом метр шестьдесят, а победителем международных соревнований по сумо.

– Избегаешь меня? – спросила она напрямую.

– Да, – ответил Костя. Он был не из тех людей, кто хотел всем безоговорочно нравиться, и именно поэтому понравился Ане. – Тебе что-то от меня нужно?

Было видно: ему с ней некомфортно. Что безумно раздражало, – с ней еще более некомфортно, чем с Алиной.

Аня не могла толком сказать, чего она от него хотела. Но если до всего докапываться, искать скрытые смыслы и значения, то так недолго и с катушек слететь. От правды Аня отмахивалась, как от надоедливых насекомых, но в реальности от этого ничего не менялось. Ей хотелось всего, всего и сразу. Дружить с мальчиком – это ведь так круто! Ходить с ним по улице так близко, что руки касаются при ходьбе. Пусть окружающие думают, что у них роман. Подростковый, бурный. Пусть проходящие мимо девчонки думают: «И что он в ней нашел?» Или, наоборот, пусть парни цепляют Аню взглядом, как зазевавшуюся рыбешку крючком, и прикидывают, как тайком узнать ее номер.

Ане хотелось брата, парня, приятеля... Хоть кого-то. Того, кто заменит отца. Растворимого кофе ей хотелось, вот чего. Говорят, дрянь, для здоровья вредно, лучше сигарету выкурить, чем этой жижей грязной травиться. Но если привык к кофе, к его терпкому запаху, горьковатому послевкусию, теплему ощущению чашки в замерзших ладонях, то с такой зависимостью и порошок из пакетика покажется райским наслаждением.

Сублимация ей была нужна, вот что. Чтобы был папа в жизни и чтобы его в то же время не было.

Воспользовавшись замешательством, вызванным его вопросом, Костя пошел прочь со школьного двора. В тишине парень прочел свои собственные ответы – более удобные, более привычные. «Не знаю, что мне от тебя нужно». Шел он широкими, быстрыми шагами: уносился вдаль, словно комета, обгоняющая неподвижные звезды.

В Анином воображении они с этим угловатым пареньком уже давно были друзьями. Она не испытывала особо романтических чувств по отношению к этой несуществующей дружбе. Все, чего ей хотелось, это иметь рядом кого-то, кто бы ее понимал. И ей так долго казалось, что Костя может быть этим самым человеком, что складывалось ощущение, будто нелегкий этап сближения уже давно позади. В своем блокноте она уже давно описала каждый шаг, каждое слово. Фантазии водопадом лились на желтоватую бумагу, оставляя после себя только буквы.

Аня не знала, почему на этот раз именно он. Просто один раз она вышла из квартиры, прошла мимо мусоропровода, решив не ехать в тот день на лифте, и услышала эти особенные шаги.

Она тогда наполовину решила, наполовину почувствовала – «если не Костя, то кто?». Хотелось посоветоваться с матерью, но та сейчас была последним человеком на земле, кто смог бы дать совет. В последний раз из своего загробного мира она звонила, когда Ане еще пятнадцати не было.

Сказала:

– Анечка, ты что, забыла меня совсем? Звони мне, как будет минутка.

Только вот для дочери это была игра; соревнование, в котором кто раньше сдастся под напором тяжелой стопудовой совести, тот и проиграет. Более того, о чем с ней разговаривать, с этой далекой женщиной из ее детства? Аня даже не помнила толком, как она выглядит. Высокая или низкая? В детстве все взрослые кажутся высокими... Толстая или худая? Блондинка или брюнетка? Образ размылся, превратился в густую ненависть, через которую девочка теперь смотрела на мир. Если уж мама ее не любит, то кому и зачем любить?

Дома, конечно, Аню ждал главный тиран ее жизни.

– Так и не поела? – спросил Наполеон.

Халат исчез – вместо него материализовались спортивные треники с этой безвкусной белой полоской на боку и простая футболка, цвет которой когда-то давно можно было определенно назвать белым.

Валерия была художницей. Лет десять назад про нее говорили, что она подает надежды. Но потом она вышла замуж за мужчину вдвое старше себя, к тому же с девятилетней дочкой на руках. С тех пор все творческие круги списали Леру со счетов, и уж точно никто не ждал ее возвращения пять лет спустя, когда ей срочно понадобились деньги.

Теперь она целыми днями сидела в своей «мастерской», переделанной из бывшей спальни, спала там же, на кушеточке, и несколько раз в сутки пыталась контролировать свою падчерицу. Как можно заметить, безуспешно.

Сейчас Лера была тридцатилетней женщиной, по которой жизнь уже прошла, проехала и вдоволь напрыгалась. А ведь если подумать, она была старше Ани всего на каких-то тринадцать лет.

Но между ними была пропасть. Темная, глубокая. Подвесной мост не то что рассыпался, – его над этой пропастью вообще никогда не вешали. Принадлежность к женскому полу – вот все, что их объединяло. Да и то одна – женщина, другая – совсем девчонка; причем кто из них кто – до сих пор не ясно.

В ответ на вопрос падчерица помахала перед носом Валерии пакетиком с одиноким неаппетитным пирожком и даже попыталась улыбнуться. Правда, улыбка вышла такая кривая, что мачехе показалось, что у Ани скрутило живот.

– Пойдем на кухню, я суп сварила, – примирительно сказала чудовище.

Аня бросила рюкзак в коридоре.

В мачехе ее раздражало практически все, хотя она была полной противоположностью Алины. Особенно бесила неопрятность, неухоженность, а еще – какая-то простота и наивность. С Валерией все было понятно. Она отняла у Ани любовь отца, именно из-за нее он теперь

такой!.. Лучше бы она сдала Аню в детский дом или позволила ей жить в одиночестве и зарабатывать на жизнь игрой на гитаре в подземном переходе. Играть Аня пока что не умела, но в ближайшее время планировала научиться.

Зачем вообще играть в благородство? Зачем брать чужих детенышей, перетаскивать их в свою пещеру и пытаться выкормить камнями за неимением грудного молока? Ведь можно бросить их там, в саванне, до первой холодной ночи, а потом пожимать плечами: «Бедные, бедные детки! Из них ведь могли бы вырасти настоящие львы и львицы! Но нет, бессердечные родители оставили их умирать голодной смертью».

Эти безумцы – о чем они только думают! – продолжают «налаживать контакты». Только все таблетки – от «понимаю, что не смогу заменить тебе отца» до «цени, что я тебя воспитываю!» – сделаны из самообмана и шепотки луговых трав. Успокоительное на ночь, не более.

Переборов отвращение, Аня заглянула на кухню. Дымящаяся на плите кастрюля с супом пахла вполне сносно, да и свежий хлеб манил к себе хрустящей корочкой. Когда сталкиваются голод и гордость, последняя, к сожалению, частенько стыдливо сдается на милость победителя.

Чудовище бросило на падчерицу неодобрительный взгляд:

– Анна, ты руки помыла?

Проглотив рвущееся с языка оскорбление, девушка направилась в ванную. Пока мыла руки, взглянула на свое отражение в забрызганном зеркале и улыбнулась появившемуся за спиной отцу. Он стоял неподвижно и, казалось, еще больше побледнел с их последней встречи.

Аня вдруг вспомнила, как, когда ей было одиннадцать, она со злости выкинула из окна обручальное кольцо новоиспеченной мачехи. Отец тогда очень рассердился: никогда, сколько Аня его помнила, он так не кричал на дочь. А эта бесстыжая нахалка сидела в сторонке, невинно потупив взор, и делала вид, как будто она вообще не при делах. Лера вообще любила прикидываться безобидной овцой, только потом почему-то всегда было так, как она хотела.

После случая с кольцом отношения между мачехой и падчерицей стали хуже некуда, и лишь общая трагедия заставила их более-менее остудить пыл. Они не подписали мирное соглашение – без слов договорились на временное перемирие. Спрятали танки, пушки, повесили пистолеты на стенку, но патроны вытаскивать не стали, потому что знали: когда-нибудь их снова придется пустить в дело, причем без промедления.

Подруги рассказывали Ане множество счастливых историй, когда все было совсем наоборот: одинокий несчастный родитель или родительница вдруг встречали принцессу или принца на белом коне. И пусть в доме появлялся совершенно чужой человек, карманных денег он всегда давал вдоволь и редко повышал голос. Как же, ведь все-таки ребенок не свой.

Только с Лерой так не получилось. Дело даже не в деньгах: для Ани не было секретом, что с продажи картин никому не известной художницы не купишь больше чем буханку хлеба и пакет молока. Они просто были птицами, сидящими на разных проводах, пингвином и белым медведем с разных концов земного шара, крысой и отравой для грызунов. Они не подходили друг другу, между ними не было ничего общего, кроме одного горячо любимого мужчины.

Они и одевались по-разному: Аня всегда ходила в стильных цветных платьицах, которые, хоть и не особенно подходили к ее характеру, всегда привлекали внимание. Глядя на такую миленькую девчущечку в аккуратном платьице, и представить себе не можешь, как дома это чудо с двумя косичками огрызается на любой заданный вопрос. Что же касается мачехи, то у той, кажется, весь гардероб состоял из трех плешивых спортивных костюмов, халата и шапочки для бассейна, которую она купила на случай, если ей захочется заняться плаванием.

– Ань, что-то случилось? – Чудовище стояло на пороге ванной, схватившись руками за дверной косяк.

Так Лера еще больше походила на хищника, загнавшего жертву в угол ванной в обычной городской многоэтажке.

Любые слова мачехи вызывали у Ани неконтролируемый приступ раздражения, и этот раз не стал исключением. Со стороны, наверное, толком было не ясно, за что Аня ее ненавидела.

Наверное, все дело было во взгляде. В том, как она с самого начала смотрела на нее, совсем еще маленькую девочку, с вызовом и раздражением.

«Откуда ты вообще взялась? – говорили ее плоские карие глаза. – Ладно, так и быть, скажи спасибо, что кормлю тебя и стираю твои платишки. Ты ведь, как кошка, правда, дольше пятнадцати не живешь?»

Или, по крайней мере, Аня именно это прочла в глазах мачехи еще на первой встрече. А потом... Знаете, как от крошечной искры может в одночасье сгореть целый лес? Ну так вот и здесь, отчаянно желая потушить огонь, две девушки просто подливали туда масла.

– Что может случиться? – спросила Аня, не поднимая головы. – Боишься, что утоплюсь в унитазе?

Руки уже давно скрылись за барашками мыльной пены. Этот водоворот будто бы даже пах солью и отпуском, и в нем приятно было искать спокойствия и поддержки.

– Я не знаю, что мне с тобой делать. Просто не знаю, – устало сказала Лера, и на короткое мгновение Ане даже стало немного жаль ее.

Таким тоном говорят о старой любимой собаке, которую собираются усыпить.

Где-то в глубине души у Ани зародилась надежда – даже дыхание перехватило.

– Сдашь меня в детский дом? – И тут же поспешно добавила: – А то стукнет восемнадцать, уже будет поздно.

– Не мели ерунды. Ты же знаешь, что это невозможно. – С этими словами чудовище ушло в закат (то есть обратно на кухню).

«Невозможно?! – хотелось крикнуть Ане вслед мачехе. – Почему, по-твоему, невозможно? Потому что узнают, начнут стыдить? Бабушки на скамейке будут: „Это Лиза, у нее папаша спился давно. Это Маша, у нее кавалеров больше, чем ног у сороконожки. А это Лера, наша любимица, она бедную падчерицу сбыла в интернат и кутит с местным владельцем овощной лавки!“ Ты же никогда о чужом мнении не заботилась, тебя этому живопись научила. Критики смотрели на твои картины и одним своим неодобрительным взглядом делали твою кожу толще, жестче, плотнее. Твоя мамочка из Нижнего Новгорода перестала с тобой разговаривать с тех пор, как ты вышла замуж за мужчину, годящегося тебе в молодые отцы! И теперь тебя вдруг начало волновать, что кто подумает?...»

Но вслух Аня этого конечно же не сказала. Проглотила рвущиеся наружу слова, сглотнула их горькой слюной. И, как бы ни хотелось крикнуть вслед какую-нибудь пошлую гадость, стерпела, потому что знала: слово за слово – и они поубивают друг друга. Хотя, может, это и есть выход. Будут они с Лерой лежать на старом советском ковре, который у нормальных людей на стене висит, а у совсем нормальных вообще отсутствует... будут они лежать, как Пушкин с Лермонтовым, не способные поступиться гордостью, когда дело касается чести.

После молчаливого ужина девушка заперлась у себя в комнате, забралась с ногами на кровать и сидела так целую вечность, обняв руками подушку. В темноте из угла комнаты на нее смотрела старая фотография в мигающей светодиодными сердечками рамке, где они были запечатлены вдвоем с папой. Аня была классе в третьем, отец, как говорят, в самом расцвете сил. Каждые выходные они обязательно проводили вместе – где-нибудь на природе, за покупками или в парке развлечений. На фото был изображен один из таких дней, когда они вдвоем отправились в зоопарк: катались там на немногочисленных аттракционах, передразнивали обезьян и ели сладкую вату. Этот снимок сделал кто-то из незнакомцев, поэтому кадр получился чуть кривой, и у отца были обрезаны ноги, но Аню это не особенно беспокоило. Это все равно был самый любимый ее снимок.

Конечно, все это было еще до появления Леры, этого инопланетного монстра. Первое время, когда они только познакомились (И зачем папа вечно ходил на все эти художественные выставки? Что он вообще нашел в размазне под названием «современное искусство»?), Аня проводила прежде такие долгожданные выходные у соседки. У той было три недружелюбных собаки-мопса и запах нестираных носков по всей квартире. Тетя Даша, похожая на изюмину-переросток, с немощными ручками и ножками-спичками, каждый раз смотрела на Аню неодобрительно, словно девочка к ней сама напросилась. Старушка цокала языком, приклеивала синеватые ладони к бокам и мотала головой, как припадоочная.

– Цени! – назидательно говорила она. – У тебя есть отец, и мать живая, хоть и пошатунья. Тебе есть где спать. Ешь вон каждый день. Теплая курточка есть. Даже, – она всего на мгновение отрывала руку от тела и вздымала вверх длиннющий указательный палец, – ВЕЛОСИПЕД!

Этот велосипед тенью висел над Аней, угрожающе поскрипывая гусеницей и поигрывая колесами, как мышцами. Тетя Даша вспоминала своих собственных родителей и блокадный Ленинград.

А она, Аня, неблагодарная! Две руки, две ноги, а все ищет чего-то, кого-то; все спрашивает у мира: «Кто я, зачем здесь?» Пытается задавать вопросы и раздражается, не получив ответов.

«Куда уходит отец? Я ему что, теперь не нужна? Почему он оставляет меня у этой противной тети Даши, хотя она лет тридцать уже никакая не „тетя“, а ходячая мумия? Сколько времени еще нужно вот так терпеть, чтобы все вернулось на круги своя? Или что, уже не вернется?...»

Был еще один невысказанный вопрос, менее важный, но тоже повисший в воздухе нахмурившейся тучкой: «А велосипед-то куда можно сдать, чтобы меня им больше не попрекали?»

Потом, в один прекрасный день, отец пришел с работы и сказал, что в выходные они повеселятся. Это был День города, и погода обещала быть хорошей.

Тогда они и познакомились. Отец сиял от радости, представляя Ане свою двадцатидвухлетнюю подружку. «Молодая художница, очень перспективная, надеюсь, вы подружитесь».

Только ближе к концу прогулки он ненадолго отвел Аню в сторону, притворившись, что хочет купить ей мороженое и не знает, какое выбрать. Лера сидела на лавочке, чинно, как в школе благородных девиц, сложив ручки на коленочках и рассматривая мертвого голубя с кишками наружу.

– Ну как тебе Лера, понравилась?

Отец чуть вспотел, не зная, чего ожидать, – радости или неодобрения. На широком лбу выступили бисеринки пота, губы нервно задержались.

– Нормально... – начала было Аня, не в силах сказать ничего другого, чтобы не расстроить папу.

Еще пару бесконечных секунд в воздухе эхом стояло «нормально, мальню, *но...*». Но это «но» отец как раз и не услышал, поэтому больше про Леру у Ани не спрашивал.

Интересно, сколько детей в мире за всю историю человечества пережили подобный неловкий разговор? Конечно, сначала ты улыбаешься сквозь зубы, пытаешься поддерживать беседу и говорить всякие вежливые вещи. Но есть что-то, что ни одному ребенку не под силу изменить: этот посторонний человек, каким бы чудесным он на первый взгляд ни казался, все равно его соперник. Даже если мачеха или отчим искренне хотят подружиться с очаровательным пухлощекием сорванцом, в реальности они все равно готовы и будут бороться за любовь, внимание и место в чужих мыслях.

Лера же проявила свое истинное лицо очень быстро. Когда папа смотрел на нее, она улыбалась, строила милые рожицы, шурилась от восторга, как кошка, и ласкалась к нему, и шептала на ушко всякие приятности. Но стоило отцу отвернуться, как она тут же становилась мрачнее тучи и если и смотрела на будущую падчерицу, то с отвращением, с каким смотрят

на ядовитых пауков: «Что это у нее – волосатые черные ножки? Какая мерзость! Пусть сидит в другой комнате!»

Когда стемнело настолько, что фоторамка осталась единственным источником света в комнате, позвонила Ирочка. Она болтала без умолку как ни в чем не бывало. Рассказывала, какие Тамара купила себе обалденные туфли («без каблуков, конечно, пусть ноги ломают глупые курицы вроде Алины из „В“!» – И с этим утверждением Аня была абсолютно согласна). Но и разговор о пустяках не помогал отвлечься от мыслей о существе, которое сейчас за стеной шлепает масляные краски на холст.

– Турбо, а я-то тебя видела сегодня с Белым и его подружкой перед школой! – внезапно вспомнила подруга. – Что, уже завела себе новую компанию?

В ее голосе слышалось нескрываемое раздражение, смешанное с любопытством, хотя по задумке это должно было прозвучать как шуточный подкол.

Аня сидела, нервно наматывая резинку для волос на указательный палец. Она даже думать не хотела о случившемся, тем более – обсуждать с Ирочкой.

– Так, ерунда. Я попыталась сломать шаблон.

Собеседница всполошилась:

– Давай выкладывай, какой шаблон?

– Ну, самый обычный, – нехотя ответила Аня. – Что девушки никогда первыми не подходят и не знакомятся, если им кто-то нравится.

– А тебе Белый что, нравится?

Молчание однозначно означало согласие.

– Ясно, – сказала Ирочка. – А проблема-то в чем?

– Проблема в том, что нельзя убедить кого-то, что ты ему нравишься, только потому, что он тебе нравится, – призналась Аня, хотя ни она сама, ни Ира так до конца логики и не поняли.

Потом они еще немного поговорили о том, какая же противная эта Алина, и какой же дурак этот Костя, и какие у Тамары все-таки классные новые туфли. По окончании разговора настроение у Ани было уже не такое паршивое.

Ночью ей снилось, что она рок-звезда. Каждый месяц она широким жестом отправляла мачехе толстые конверты, чтобы та не думала, что Аня такая уж неблагодарная свинья. И мачеха всегда приходила на ее концерты, занимала первый ряд и кричала всякие непристойности. Мелочь, а приятно.

На утро все повторилось: отец, сидящий на ее кровати, чудовище, расстроенное, что она не поела, бегство из квартиры. На лестничной площадке, миновав мусоропровод, Аня снова остановилась и прислушалась. На этот раз она не опоздала.

Костя спускался быстро и почему-то никогда не пользовался лифтом, даже когда направлялся наверх. А у него пятнадцатый этаж, между прочим. Но он преодолевал пролеты играючи, словно мячик, и прикоснуться к бетонной ступеньке было для него все равно что моргнуть.

Когда шаги парня начали стихать несколькими этажами ниже, Аня наконец решила выбраться из своего убежища перед лифтом, которое было отделено от лестничной площадки полупрозрачной дверью из мутного стекла. В аккуратном платице с тщательно выглаженной плиссированной юбочкой, она спускалась медленно и не могла позволить себе беспечно перепрыгивать через три ступеньки (длины ног просто не хватило бы), но ей все равно было приятно осознавать, что она сейчас ступает по его следам.

Ане нравилось размышлять во время этого небольшого путешествия. Она любила представлять, как когда-нибудь они вместе с Костей будут рука об руку спускаться по этой лестнице. Он будет терпеливо сдерживать шаг, а она – всеми силами показывать, что идти быстро ей не так уж тяжело. Может, он даже понесет ее портфель. Это было бы неплохо, хотя и не обязательно. В конце концов, это всего лишь портфель, а не дамская сумка, и ни капли не умаляет мужского достоинства.

На седьмом этаже Аня не выдержала и остановилась. Она прислонилась к грязной стене («Нечаев – ЛОХ!» – причем почему-то капсом, как аббревиатура) и закрыла глаза.

Так больше не может продолжаться. Почему она, как сопливая дурочка, каждый день поджидает парня, который с ней даже разговаривать не хочет? Почему она чуть ли не целует песок, по которому он ходил (ну или лестницу, по которой он ступал), а он при виде ее отворачивается? Может, Аня ему вообще противна? Раньше эта мысль как-то не приходила ей в голову.

К тому времени, когда девушка добралась до заветного первого этажа, прошло уже минут десять, не меньше. Про себя Аня твердо решила с завтрашнего утра пользоваться лифтом, даже если это приведет к ожирению и она умрет в страшных муках. Не то что было тяжело – просто спуск оказался таким длинным, будто вел не на улицу, а напрямик в чертоги ада.

Однако, выходя из подъезда, она налетела на какую-то скалу, и скала грозно обернулась, явно не намереваясь посторониться:

– Ты вообще смотришь когда-нибудь, куда идешь?

Это был Костя.

Глава 2

Косте опять снился этот сон. Он стоит один посреди переполненной площади. Вокруг снуют туристы с фотокамерами и картами размером с персидский ковер, бизнесмены торопятся по своим делам, стайка подружек перелетает из одной кафешки в другую, и даже кошка с независимым видом проходит мимо. Поначалу все в порядке, но затем что-то начинает тревожить парня изнутри. Кажется, что в животе завелся какой-то паразит, который поедает внутренности, пытаясь прогрызть себе путь на свободу.

И Костя, и паразит одновременно начинают кричать. Один – от голода, другой – от страха.

Люди идут все быстрее, усталых туристов засасывают в свою пасть переулки, бизнесмены с озабоченным видом смотрят на часы, а подружки встают с лавочки, где они только что обсуждали всякую бессмыслицу, и пружинистым шагом уходят прочь.

Громче. Они кричат громче. Все громче... ГРОМЧЕ!

Рвет барабанные перепонки, лопаются стекла уличных фонарей, с площади улетают пугливые голуби. Костя с монстром остаются одни. От крика болит рот, который вот-вот порвется и обвиснет рваными кусками кожи и мышц.

Звук постепенно переходит из разряда очень громких в практически ультразвук, который сложно различить, если ты не дельфин с эхолокатором. Для окружающих же этот крик настолько громок, что почти не различим и не слышен.

Косте казалось, что его голова сейчас разлетится на маленькие кусочки и он весь превратится в сплошной звук, долгий и протяжный.

Внезапно кто-то впился в него ногтями и потащил вверх, под самые облака. Это была какая-то большая черная птица, она с легкостью подняла тяжелую ношу. Жаль только, что она не унесла его от проблем, а тянула куда-то в другое место вместе с ними.

И тут все прекратилось.

– Костя, милый, все в порядке?

Мама сидела на краю кровати. И это она, а вовсе не черная птица крепко держала его за руку. Взглянув на мамино лицо, Костя удивился тому, насколько оно встревоженное. Он что, так сильно кричал?

– Ты что здесь делаешь? – ответил парень вопросом на вопрос, освобождая руку. Еще не хватало, чтобы она почувствовала, как сильно он вспотел от этого ночного кошмара.

– Ничего... Мне показалось, тебе что-то плохое снится. – Мама попыталась улыбнуться.

Обычно когда она улыбалась, то становилась похожа на пухленького ангелочка с нимбом из кудрявых волос, но сейчас ее вымученная улыбка больше напоминала оскал.

– Все в порядке. Какой час?

– Половина шестого.

– Ладно, – Костя откинул одеяло, – все равно скоро вставать.

Постепенно он немного пришел в себя, хотя какое-то время его еще колотило. Больше всего было стыдно за то, что мать опять застала его в этом состоянии. Если бы научиться контролировать свой кошмар! Но пока это было невозможно – Костя находился полностью в его власти.

Однако оставлять все как есть тоже было нельзя. Стоило хотя бы попробовать последовать совету Светланы.

Светлана была школьным психологом. Молодая, стройная, с аккуратной шапочкой темных волос, но, на Костин взгляд, какая-то среднестатистическая. Закрыв глаза, трудно было мысленно нарисовать ее портрет. Вроде бы и одевается хорошо, но как-то без изюминки, что ли: водолазки, простые серые юбки, простые черные туфли.

И тем не менее она успешно привлекала восторженное внимание мужской части учительского коллектива. Костя всеобщего восхищения не понимал и смотрел на психологиню как на вяленую рыбу.

Светлана же заприметила Костю сразу, с каких-то общих психологических тестирований и профессионального ориентирования. Заметив, что один из учеников как-то уж слишком замкнут и нелюдим, она со всем своим молодым послевузовским пылом решила помочь бедолаге. Потом Елена Викторовна, классная Кости, по секрету рассказала, что случилось с мальчиком в детстве, и Светлану было уже не остановить.

– Садись, не стесняйся, – говорила она, улыбаясь, и спешила налить «пациенту» чашечку горячего чая. – Ну и как у тебя, Константин, дела?

После нескольких таких встреч она все-таки выбила из него признание о кошмарах и на этом успокоилась. Конечно, Светлана не могла не заметить, что за всем этим скрывалось что-то еще, но, видимо, любопытство свое она уже удовлетворила. Профессиональный интерес, так сказать. «Я же знала, я же знала, что с тобой что-то не так!»

– Ты должен завести друзей, – наконец сказала она. – Есть у тебя кто на примете? Может, из одноклассников? Девушка у тебя вообще есть?

С Алиной у них уже тогда было «все сложно», но Светлана и так это поняла. Как она выразилась, Косте нужен был человек, с которым можно поговорить откровенно и который искренне интересовался бы тем, что происходит в его жизни.

Звучало отстойно.

Костя вспомнил, как Аня вчера под села к нему на литературу, и усмехнулся. Никто до этого не лез к нему в тетрадку, чтобы посмотреть, что он там рисует, словно это вопрос жизни и смерти. Если кто из одноклассников и пытался совать свой длинный нос в его дела, обычно короткого и емкого «отвали» было вполне достаточно. Они и правда все отваливались, как коричневые листья облетали с дубовой ветки, и обратно, как те же самые листья, уже прицепиться не могли. Закон всемирного тяготения как-никак: «люди тянутся к тем, кто их притягивает». Так еще Ньютон говорил, а он ерунды не скажет.

Аня была совершенно другая. «Турбо» – вот как к ней обращались одноклассники. Он слышал, как они зовут ее делать классную газету, участвовать в соревнованиях по волейболу и просто погулять после уроков. Костя привык в своей жизни к спокойствию, тишине, а у нее все было как-то шиворот-навыворот. Он этому даже немножко завидовал.

И, без всяких сомнений, она ни капли не походила на Алину, эту беззаботную куклу без недостатков, комплексов и забот. Слишком приторную, слишком правильную. Рядом с ней иногда хотелось сунуть два пальца в рот, чтобы очистить организм от ее идеальности, словно это был вирус, передающийся по воздуху.

Костя знал, что Аня живет всего тремя этажами ниже, что каждый день она ждет, пока он спустится по лестнице первым, и только затем робко выглядывает из своего укрытия и осмеливается сойти вниз. Ему часто хотелось остановиться на ее площадке и признаться, что эта странная привычка для него уже давно не секрет. Но в то же время Косте нравилась тайна вокруг всего этого, в которую были вовлечены лишь они двое.

«Пусть реагирует как хочет, – подумал Костя, выдавливая пасту из тюбика. – В конце концов, она первая начала. Пугать ее не буду – просто пора уже дать девчонке понять, что она такая же незаметная, как перхоть на черной рубашке».

Только вот в чем проблема, вчера утром он ее не видел. Сначала подумал, что заболела, но потом, когда она появилась на совместном уроке литературы, даже испытал некоторое облегчение.

Ровно в восемь пятнадцать Костя надел кроссовки, туго их зашнуровал и крикнул матери, что уходит. Вместо нее отозвался отец:

– Давай повеселись там как следует!

Ни «учись хорошо, сын!», ни «после уроков – домой!».

Костя торопливо закрыл за собой дверь.

Ну вот, опять они за свое. У всех родители как родители, а у него просто какие-то идеальные образцы из каталога. Мать – полноватая женщина, но для своих лет очень даже привлекательная, всегда при макияже и в красивых платьях. На столе – вкусная горячая еда, а грубых слов, кажется, просто нет в ее лексиконе.

Отец... Про таких часто снимают фильмы, где показывают, как они с сыновьями вместе ходят на рыбалку, едят мороженое и запускают в воздух радиоуправляемые самолетики. Жаль вот, с сыном ему по части развлечений не очень повезло. Костя предпочитал провести вечер дома с книжкой, а не на лоне природы в компании червяков-наживки и гостеприимных комаров.

В детстве Костя часто любил мечтать, что у него совсем другие родители. Об этой своей постыдной фантазии он, конечно, никому не говорил и сам смущался подобных мыслей, но все равно частенько представлял себе, каково это, когда тебя оставляют без ужина или лишают карманных денег. Ему тоже хотелось, как одноклассникам, жаловаться на «родаков», рассказывать, как его не понимают и что именно сегодня вечером дома ему надо быть до десяти.

«Сынок, мы тебя любим и понимаем» или «Мы знаем, что ты чувствуешь» – вот типичные фразы Костиных родителей. Они говорили не своими словами, а заученными фразами из книг. И Костя даже знал, каких именно. Их мама с папой прятали, как что-то постыдное, как толстый мальчик прячет под кровать купленный по дороге из школы «сникерс».

Костя хотел настоящих родителей, а не этих роботов, по расписанию предлагающих ему новую приставку и поездку на море. Он хотел настоящих родителей, даже если они когда-то не захотели его.

Другое дело – мачеха Ани. Костя встречался с ней пару раз, когда она выходила на свет божий, чтобы окончательно не превратиться в мизантропа и заодно вынести мусор. Еще довольно молодая, Лера – сразу видно – была женщиной эксцентричной, своеобразной. То появится с жирным пятном масляной зеленой краски на воротничке белоснежной блузки, то наденет изящные туфли-лодочки под спортивный костюм.

В каком-то смысле Костя Ане даже завидовал. Наверняка жизнь у нее была гораздо интереснее, чем у него с его идеальной «семьей».

Проходя мимо Аниного этажа, Костя едва удержался, чтобы не выдать себя раньше времени. Он чувствовал, что Аня прислушивается к звуку его шагов. Костя остановился и перевел дух только у выхода из подъезда. Он понял, что впервые в жизни так быстро спускался по лестнице, что даже запыхался.

Минуты, которые он потом провел в ожидании, внезапно показались ему самыми долгими в его жизни. Сердце колотилось где-то в горле, а на ум все не приходило ни одной остроумной фразочки.

Что там нормальные парни говорят, когда начинают общаться с девушками? Нужно похвалить ее наряд? Или сказать что-то про ее цветущий внешний вид? Или извиниться за вчерашнее?

«У тебя друзья-то есть?» – всплыл в памяти голос Светланы, и ее белые ровные зубы расплылись в пугающей, как у клоуна, улыбке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.